

КУЛЬТУРНЫЙ
СЛОЙ

Получаю письма:

«Помогите стать актером».

Отвечаю: «Бог поможет!»

Ф. Раневская

ТАТЬЯНА
АЛЬБРЕХТ

*Лехайм,
бояре
или
Мельпомена
смеется*

Актерские байки

Культурный слой

Татьяна Альбрехт

**Лехаим, бояре, или Мельпомена
смеется. Актерские байки**

«Алисторус»

2022

УДК 82-94
ББК 84(2Рос-Рус)6-4

Альбрехт Т. Б.

Лехаим, бояре, или Мельпомена смеется. Актерские байки /
Т. Б. Альбрехт — «Алисторус», 2022 — (Культурный слой)

ISBN 978-5-00180-610-3

Актерские байки – жанр, бесконечный, как полноводная река. И пока существует театр, кино, пока есть актеры, он не иссякнет. Конечно, курьезы, веселые или нелепые истории могут произойти с кем угодно. И шутить любят представители любой профессии. Но актеры и в этом смысле стоят особняком. Почему? в глазах обывателя они – люди «другие», бесконечно странные, непонятные, занимающиеся удивительным делом. А потому и актерские байки вызывают больший интерес, чем истории из жизни физиков или сталеваров. Жанр давно уже стал практически фольклорным. Ведь в этих историях зачастую важна не фамилия героя (которая, к тому же, может меняться со временем), а суть актерства, как явления. В этой книге мы представляем сборник веселых и курьезных историй из жизни артистов. Какие-то из них хорошо известны, другие нет. Но каждая история дает возможность взглянуть на жизнь артистов с другой стороны и улыбнуться. В формате PDF А4 сохранен издательский макет.

УДК 82-94
ББК 84(2Рос-Рус)6-4

ISBN 978-5-00180-610-3

© Альбрехт Т. Б., 2022
© Алисторус, 2022

Содержание

Предисловие	6
Преданья старины глубокой	7
Наши корифеи	16
Конец ознакомительного фрагмента.	35

Татьяна Борисовна Альбрехт Лехаим, бояре или Мельпомена смеется. Актерские байки

© сост. Альбрехт Т.Б., 2022

© ООО «Издательство Родина», 2022

* * *

*Просто вы не знаете, что такое театр.
Бывают сложные машины на свете, но театр сложнее всего...*
М. Булгаков. «Театральный роман»

Предисловие

Можно ли актера считать человеком?

Разумеется, нет; этим-то он и хорош!

Магдалена Самозванец (польская писательница)

Актерские байки – жанр, бесконечный, как полноводная река. И пока существует театр, кино, пока есть актеры, он не иссякнет.

Конечно, курьезы, веселые или нелепые истории могут произойти с кем угодно. И шутить любят представители любой профессии.

Но актеры и в этом смысле стоят особняком. Почему? Да потому что рабочий инструмент актера – он сам, его тело, его эмоции, память, и работает он не с машинами и предметами, а с людьми – такими же актерами, режиссерами, художниками.

А в людских отношениях всегда все непредсказуемо, никто не знает про другого, «где у него кнопка». Вот и получается, что полностью, до секунды, до последней мелочи спектакль летит в тартарары из-за сущего пустяка, съемка срывается из-за нелепой случайности, сам актер, в очередной раз забывая, кто же он в данный момент (или слишком хорошо помня, какой он Актер Актерыч), вытворяет такое, что другому просто в голову не придет. Не говоря уж о том, что артист, не пошутивший над приятелем или партнером – и не артист вовсе. Таких просто не бывает.

Вот и множатся актерские байки, анекдоты, смешные истории, хлесткие высказывания актеров обрастают подробностями и вариантами, передаются из уст в уста, пересказываются снова и снова. Жанр давно уже стал практически фольклорным. Ведь в этих историях зачастую важна не фамилия героя (которая, к тому же, может меняться со временем), а суть актерства, как явления.

Отношение к актерам, как к какой-то собой категории людей было всегда.

Конечно, их больше не хоронят за оградой кладбищ, не заставляют жить обособленно и носить знак профессии, наоборот.

Тем не менее, в глазах обывателя актеры – люди «другие», бесконечно странные, непонятные, занимающиеся удивительным делом. А потому и актерские байки вызывают больший интерес, чем истории из жизни физиков или сталеваров.

Во-первых, они понятнее, почти никогда не требуют пояснений, во-вторых, большая часть их героев известна читателям, точнее, не просто известна, а читатель испытывает к ним определенные чувства, симпатию или хотя бы любопытство.

Преданья старины глубокой

Актеры способны играть любой характер именно потому, что сами вовсе лишены его.

Дени Дидро

В 1719 году, накануне 1 апреля, в Петербурге (с высочайшего разрешения Петра Первого) было широко разрекламировано представление знаменитого европейского силача Эккенберга. Он выступал под псевдонимом Самсон Непобедимый.

Билеты на спектакль продавались по небывало высоким ценам, а в афише значилось, что это событие собирает удостоить своим вниманием сам государь император. Однако, когда публика собралась, ей было объявлено, что спектакля не будет, поскольку все это – шутка по случаю 1 апреля.

* * *

В конце 80-х годов позапрошлого века в Петербурге с большим успехом шел балет Пуни «Дочь фараона», поставленный Мариусом Петипа. В первом акте фигурировал лев, который сначала шествовал по скале, а потом, убитый стрелой охотника, падал вниз. Льва изображал постоянный статист. Однажды он заболел, и его пришлось срочно заменить другим статистом.

Спектакль начался. Вначале все шло прекрасно. Лев важно прошелся по скале. Охотник выстрелил, стрела полетела... И вот здесь вышла заминка. Пораженный стрелой лев явно испугался высоты и в нерешительности топтался на краю скалы, виновато поглядывая на балетмейстера, в ужасе застывшего в кулисах.

Отчаявшийся Петипа показал льву кулак. И тут произошло чудо. Лев поднялся на задние лапы, перекрестился правой передней лапой – и прыгнул вниз.

* * *

В Тамбове в конце XIX века в местном театре «Дон Кихота» заменили по какой-то причине на «Ревизора». Предупредили всех, забыли только про актера, роль которого состояла всего из одной фразы. Представьте эффект, когда в столовую Городничего вошел человек в испанском костюме и, обращаясь к Хлестакову, произнес: «Синьор, мой господин вызывает вас на дуэль!»

* * *

Выдающийся негритянский актер Айра Олдридж обладал бешеным темпераментом. Его коронной ролью был Отелло. В финальной сцене он так «накалялся», что у него изо рта шла пена, а глаза наливались кровью. Исполнительницы роли Дездемоны панически боялись играть с ним. Известный театрал Стахович спросил Олдриджа, как прошли его гастроли в Москве с Никулиной-Касицкой – Дездемоной. Олдридж ответил, что она очень нервничала и добавил: «Все эти слухи сильно преувеличены. Я сыграл Отелло более трехсот раз. За это время задушил всего трех актрис, зарезал, кажется, одну. Согласитесь, что процент небольшой. Не из-за чего было так волноваться вашей московской Дездемоне».

* * *

Провинциальный театр не нашел статиста на роль покойника в гробу. Наняли отставного солдата. Немолодого, бывалого и с роскошными усами. Ну, идет спектакль. Солдат лежит в гробу. По бокам, как положено, стоят две свечи. Свечи горят, и одна из них капает на шикарный солдатский ус. Тут «покойник» поднялся, загасил свечу и преспокойно улегся обратно в гроб.

* * *

Актер Иванов-Козельский плохо знал пьесу, в которой играл. Как-то выходит он на сцену, а суфлер замешкался. Тут актер увидел старичка, который вчера изображал лакея и, чтобы не было заминки в действии, говорит ему: «Эй, голубчик! Принеси-ка мне стакан воды». Старичок с гордостью ответил: «Митрофан Трофимович, помилуйте, я сегодня граф-с».

* * *

В Малом театре был когда-то артист Живокини – большой такой, басовитый, полный серьезного уважения к своей персоне. В концертах выходил на сцену и говорил о себе в третьем лице приблизительно такой текст: «Господа, внимание! Сейчас с этой сцены будет петь артист Живокини. Голоса большого не имеет, так что какую ноту не возьмет, ту покажет рукой!»

* * *

Знаменитый в свое время актер Мамонт Дальский был приглашен на гастроли в роли Гамлета в маленький украинский городок. Он не знал, что театр украинский. Дальский вышел на сцену, на свой монолог... Появляется тень его отца и говорит что-то вроде:

– Хамлету! Син мій! Це батько твій!
– Да ну вас на хрен с такими родственниками, – сказал Мамонт Дальский и покинул театр, а затем и город.

* * *

Идет спектакль с участием Марии Ермоловой. За кулисами раздается выстрел: застрелен муж героини. На сцену вбегает актер Александр Южин. Актриса в страшном волнении спрашивает: «Кто стрелял?» Не переводя дыхания, Южин вместо «Ваш муж!» выпаливает: «Ваш мух!» Ермолова повторяет в ужасе: «Мох мух?» – и падает без чувств.

* * *

Константин Станиславский исполнял роль Аргана в «Мнимом больном» Мольера. На одном спектакле прямо на сцене у него отклеился нос. Он стал прикреплять его обратно на глазах у зрителей и приговаривать: «Вот беда, вот и нос заболел. Это, наверное, что-то нервное».

* * *

В Малом театре служил когда-то актер Михаил Францевич Ленин, помимо всего прочего знаменитый тем, что году в восемнадцатом дал в газету объявление: «Прошу не путать меня с политическим авантюристом, присвоившим себе мой псевдоним!». Рассказывают, что однажды прибежали посыльные в кабинет к Станиславскому и закричали:

– Константин Сергеевич, несчастье: Ленин умер!
– А-ах, Михаил Францевич! – вскинул руки Станиславский.
– Нет – Владимир Ильич!
– Тьфу-тьфу-тьфу, – застучал по дереву Станиславский, – тьфу-тьфу-тьфу!..

* * *

Москва. Год 1924. Последний спектакль А. Южина в Малом театре. Актер прощается со сценой, которой послужил почти 50 лет, в своей любимой роли Отелло. В роли Дездемоны молодая, импульсивная, темпераментная Е. Гоголева.

После спектакля один из дипломатов сказал: «Я ужасно волновался весь последний акт, как бы эта бешеная Дездемона не задушила бедного старичка Отелло».

* * *

Рассказывают, в пору революции Фёдор Иванович Шаляпин пришёл к художнику Константину Коровину:

– Меня обязали выступить перед конными матросами. Скажи мне, ради Бога, что такое конные матросы?
– Не знаю, что такое конные матросы, – сумрачно ответил Коровин, – но уезжать надо.

* * *

Станиславский и Немирович-Данченко поссорились еще до революции и не общались до конца дней своих. МХАТ представлял собой два театра: контора Станиславского – контора Немировича, секретарь того – секретарь другого, артисты того – артисты этого...

Однажды, говорят, было решено их помирить. Образовалась инициативная группа, провели переговоры и, наконец, был создан сценарий примирения: после спектакля «Царь Федор Иоаннович», поставленного ими когда-то совместно к открытию театра, на сцене должна была выстроиться вся труппа.

Под торжественную музыку и аплодисменты справа должен был выйти Станиславский, слева – Немирович. Сойдясь в центре, они пожмут друг другу руки на вечный мир и дружбу. Крики «ура», цветы и прочее... Они оба сценарий приняли: им самим давно надоела дурацкая ситуация.

В назначенный день все пошло как по маслу: труппа выстроилась, грянула музыка, Немирович-Данченко и Станиславский двинулись из кулис навстречу друг другу... Но Станиславский был громадина, почти вдвое выше Немировича-Данченко, и своими длинными ногами успел к середине сцены чуть раньше. Немирович-Данченко, увидев это, заторопился, зацепился ногой за ковер и грохнулся прямо к ногам соратника. Станиславский оторопело поглядел на лежащего у ног Немировича, развел руками и пробасил: «Ну-у... Зачем же уж так-то?..» Больше они не разговаривали никогда.

* * *

Вот байки от блестящего писателя и литературоведа Владимира Яковлевича Лакшина, родители которого всю жизнь проработали во МХАТе.

Старейший московский актер Мозалевский, в силу своей ужасной шепелявости весь театральнй век простоявший в массовке без единого слова, тем не менее под конец жизни превратился в памятник самому себе: шутка ли – столько лет безупречной службы! В день празднования пятидесятилетия МХАТ на сцену вышли только два артиста, участвовавшие в самом первом спектакле «Царь Федор Иванович»: премьерша Книппер-Чехова и вечный мас-совщик Мозалевский! В те времена вышла мемуарная книга генерала Игнатьева «50 лет в строю». Мхатовские шутники говорили, что Мозалевский тоже пишет книгу, которая будет называться «50 лет СТОЮ»...

Ну, книгу – не книгу, а кое-что стал «позволять себе»... Однажды Немирович-Данченко, имевший пунктиком непрременное и доскональное знание каждым актером биографии своего персонажа, накинулся на него, переминавшегося с ноги на ногу в толпе гостей в доме Фамусова:

– Почему вы пустой, Мозалевский? Почему не чувствую биографии? Кто ваши родители, где вы родились, с чем пришли сюда?..

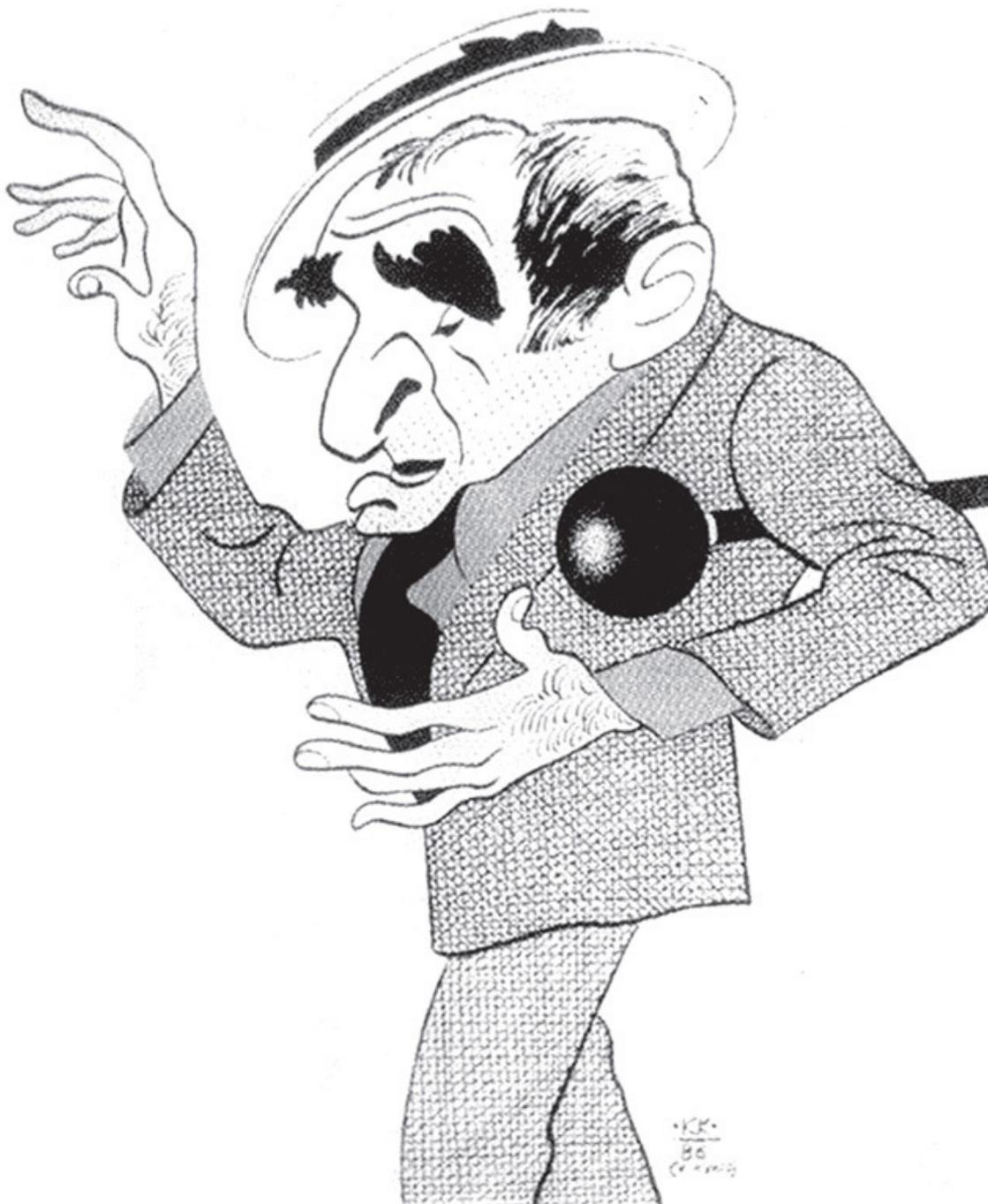
– Ах, Владимир Иванович! – ответил шепелявый корифей. – Не дуриче мне голову, скажите лучше, где я штою!

Это была такая неслыханная дерзость, что оторопевший Немирович отстал немедленно...

* * *

Зиновий Гердт рассказывал такую историю:

– Дело происходило в тридцатые годы, в период звездной славы Всеволода Мейерхольда. Великий гениальный режиссер, гениальность которого уже не нуждается ни в каких доказательствах, и я, маленький человек, безвестный пока актер. В фойе театра однажды появилась дама. В роскошной шубе, высокого роста, настоящая русская красавица. А я, честно сказать, и в молодости был довольно низкоросл... А тут, представьте себе, влюбился. Она и еще раз пришла в театр, и еще, и наконец я решился с ней познакомиться. Раз и два подходил я к ней, но она – ноль внимания, фунт презрения... Я понял, что нужно чем-то ее поразить, а потому, встретив Мейерхольда, попросил его об одной штуке – чтобы он на виду у этой красавицы как-нибудь возвысил меня. Режиссер согласился, и мы проделали такую вещь: я нарочно встал в фойе возле этой дамы, а Мейерхольд, проходя мимо нас, вдруг остановился и, бросившись ко мне, с мольбой в голосе воскликнул:

Ю. Богатырев. Зиновий Гердт

– Голубчик мой! Ну что же вы не приходите на мои репетиции? Я без ваших советов решительно не могу работать! Что же вы меня, голубчик, губите?!

– Ладно, ладно, – сказал я высокомерно. – Как-нибудь загляну...

И знаете, что самое смешное в этой истории? Эта корова совершенно никак не отреагировала на нашу великолепную игру, спокойно надела свою шубу и ушла из театра. Больше я её не встречал.

После войны в Театре им. Моссовета работала уборщица тетя Паша. Она была безграмотной, поэтому, когда получала зарплату, ставила крестик против своей фамилии. Но однажды, получая деньги, поставила нолик.

– А почему нолик? – поинтересовались у нее.

– Вышла замуж и поменяла фамилию...

* * *

В 1938 году, на сцене Мариининского театра, давали «Пиковая дама». Арию Германа пел известный лирический тенор Печковский. Особенность его исполнения была в том, что он, прекрасно чувствуя настроение зала, несколько затягивал паузу в реплике: «Что наша жизнь? пауза – «Игра!»»

Но вот однажды, напоминая, это происходило в жестоком 1938 году, ария Германа началась словами: «Что наша жизнь?» и Печковский утрируя все держал и держал паузу. Зал замер, очарованный музыкой, игрой актеров и певцов. Напряжение в зале нарастало. И вдруг с галерки, хорошо поставленным баритоном и вы той же тональности, прозвучало: «Говно!» Зал разразился аплодисментами! Зрители неистовали! Из правительственной ложи удалились несколько человек. Когда спектакль закончился, и зрители потекли из зала, стали выходить из театра, обнаружилось, что весь театр окружен бойцами НКВД.

Пропускались только женщины и дети. Мужчин отводили в сторонку и какие-то люди в черных плащах заставляли нараспев произносить их слово «ГОВНО!».

* * *

В первоначальном варианте пьесы «Человек с ружьем» была сцена, в которой Сталин, роль которого исполнял Рубен Николаевич Симонов, приходит в кабинет к Ленину. Однажды актеров пригласили исполнить эту сцену на правительственном концерте в честь юбилея Советской власти. Гримировались и одевались актеры дома. И вот в таком виде Борис Щукин и Рубен Симонов отправились в Большой театр на концерт. В то время еще не было тонированных стекол и на окнах старенького «Форда» висели занавески. Подъезжая к театру, водитель Симонова нарушил правила дорожного движения и появившийся милиционер остановил автомобиль, и стал кричать на шофера:

– Что ты прёшь!? Сейчас Сталин приедет! Вылезай!!! – и стал буквально вытаскивать бедолагу из машины.

Наблюдавшие эту картину актеры решили, что пора выручать водителя, и тогда Рубен Николаевич отодвинул занавеску, представ перед ретивым служителем закона в гриме Сталины и при полном «параде», и тихо, но уверенно сказал:

– Товарищ милиционер, подойдите пожалуйста сюда.

Милиционер вытянулся в струнку, а вошедший в роль Симонов продолжал:

– Вы знаете, что останавливая мой автомобиль, вы облегчаете покушение на меня. Вы знаете сколько у меня врагов. Я выбрал такой простой автомобиль, чтобы дезориентировать противников.

Обезумевший милиционер стал извиняться, на что «самозванец» ответил:

– Я вас прощаю, но я не знаю, что по этому поводу скажет Владимир Ильич?

– А с вами, батенька, я поговорю попозже, – вступил в игру Щукин, придвигаясь к окну.

В конец обалдевший милиционер просто лишился чувств, а актерский автомобиль продолжал дальше.

После сыгранной на концерте сцены к актерам подошел человек и попросил их проследовать за ним. Их привели в ложу к товарищу Сталину. Иосиф Виссарионович даже не обернувшись сказал:

– Слышал о вашей шутке с милиционером. Можете его навещать в Кремлевской больнице, палата 26.

* * *

Московский актер Геннадий Портер когда-то много лет назад поступал в школу-студию МХАТ, выдержал огромный конкурс и был принят. Курс набирал известнейший мхатовский актер Павел Массальский. (Даже далекие от театра люди помнят его в роли плохого американца в кинофильме «Цирк».) И вот где-то на третий день обучения Массальский, сжав руки и возвысив голос, провозгласил:

– Друзья мои, сегодня к нам на курс придет сам Михаил Николаевич Кедров. Он обратится к вам, наследникам мхатовских традиций, с приветственным словом. Слушайте, друзья мои, во все уши и глядите во все глаза: с вами будет говорить ученик и друг великого Немировича-Данченко!

– Мы сидим просто мертвые от страха, шутка ли: сам Кедров! Что же он скажет нам о театре, какое «петушиное слово»?!

Вот он вошел, сел напротив курса. Смотрит на нас, голова трясется. Мы замерли, ждем. Он долго так сидел, глядя на нас, тряся головой. Потом, едва повернув голову к Массальскому, гнусавым своим голосом сказал:

– Курс большой, будем отчислять!

Встал и удалился.

* * *

СТАРЫЙ ГОД: — Берите пример с меня, товарищи. Я охотно уступаю место молодому...

В 1949 году шел в филиале спектакль «Рюи Блаз». Постановка была прекрасная, в нем играли гениальные артисты: Борис Васильевич Телегин, Михаил Францевич Ленин, Дарья Васильевна Зеркалова, Михаил Иванович Царев. В 12 часов – начало, гаснет свет, открывается занавес, и в глубине сцены, красиво опершись на камин, стоит Михаил Францевич Ленин. Стоит, молчит и только слегка покашливает. Зал замер, все думают: «Вот это начало!» Пауза длится, длится... Наконец, Михаил Францевич наклоняется к суфлерской будке и громко говорит: «Тина! Я ведь так до вечера буду молчать!». Суфлер встrepенулась, подала текст, спектакль начался... В зале хохот, аплодисменты, и создалась замечательная атмосфера взаимопонимания между артистами и зрителями.

Наши корифеи

*Сара Бернар превосходно играла роль великой актрисы.
Джордж Бернард Шоу*

Очень много историй передавалось из уст в уста об актерах МХАТа. А булгаковский «Театральный роман» подогревал интерес зрителя к закулисной жизни этого театра. Да и вообще, мхатовские корифеи были людьми очень уважаемыми, солидными, что называется, «на виду у общества». Но, надо сказать, при этом очень непосредственными и даже иногда озорными.

И уж не знаю, когда началась, но продолжалось это довольно долго, была у них игра под названием «гопкинс». Если кто-то из них скажет другому: «гопкинс», то тот должен обязательно подпрыгнуть, независимо от того, в какой ситуации находится. На не подчинившихся этой команде налагался денежный штраф. Конечно же, часто «гопкинсом» пользовались во время спектакля, в самых неподходящих местах...

Слух о «гопкинсе» дошел до министерства. Министр культуры Е. Фурцева лично вызвала к себе «стариков». Перед ней сидели, увешанные орденами, «осчастливленные» всеми почетными званиями, пожилые люди – великие артисты. Тем не менее, Фурцева стыдила их, как детей малых, грозно извергая банальные истины об искусстве. Опустив голову, ее слушали Яншин и Грибов, Станицин и Массальский, Ливанов и Белокуров... И вдруг, во время этого распека Ливанов тихо сказал: «Гопкинс!» – и все подпрыгнули.

Совершенно иной вариант этой истории я слышал от мхатовцев лет тридцать назад – никто, разумеется, никого не распекал, это совершенно бредовая сцена, в которой министр культуры отчитывает самых маститых артистов страны, на самом деле речь была поздравительная. И не сидели они, а стояли, так как произошло сие событие на каком-то чествовании старых актёров, Фурцева произносила речь о том, что они – «наша гордость и слава...». И вся соль происшедшего в том, что вот в такой обстановке был произнесён коварный «Гопкинс!».

* * *

До сих пор ходит легенда, как Алексей Грибов и Борис Ливанов во время съемок фильма «Зигзаг удачи» допились до того, что откупорили банку со шпротами... «Выпустили» рыбок в бассейн и следом прыгнули сами. Затем, толкая шпроты носами, соревновались, кто кого обгонит с такой же рыбкой в ноздре. Но когда у Грибова спросили, так ли это было, он ответил: «Ни с Ливановым, ни со шпротами не соревновался. И все было не так...».

Зашли как-то Грибов с артистом Боголюбовым после съемок в «Метрополь», прекрасно посидели, но решили продолжить. Купили еще водки и пива, три килограмма живых раков и двинулись в баню. А там предусмотрительный Боголюбов предложил выпустить раков в бассейн, чтобы они не сдохли. Три килограмма «клешнястых» расплзлись кто куда. Паника началась очень скоро. Одного недовольный рак больно укусил за руку, другого – за ногу, а кого-то – за самое интимное место. На крики примчался директор бани со свитой. Виновников переполоха искать не пришлось. Боголюбова знала вся страна. И директор начал ему выговаривать: «Поскольку вы прекрасно играли в фильме „Великий гражданин“, я с вами ничего не стану делать!» Вода из бассейна была выпущена, все три килограмма раков благополучно выловлены, завернуты в газету и возвращены владельцам...

* * *

Борис Ливанов любил длинные тосты. Обыкновенно, сев за стол с приятелем-артистом и налив по первой, он поднимал стакан и говорил примерно так:

– Давай выпьем за тебя, прекрасного артиста, талантливого, тонкого, умного, с огромным творческим потенциалом, разностороннего, глубокого, с блестящим будущим, гениального, человека с большой буквы, замечательного друга, любимца женщин...

Затем, налив по второй, Ливанов поднимал стакан и требовал:

– Ну а теперь ты говори про меня то же самое.

* * *

МХАТ привез на гастроли за границу пьесу «Третья патетическая», где главные роли исполняли Б. А. Смирнов (Ленин) и Б. Н. Ливанов (инженер Забелин). Представляете – огромный театр переполнен. Двадцать минут до начала. Двоих главных исполнителей нет. Пятнадцать минут. Их нет.

Начинаются тихие инфаркты. Десять минут до начала. Та же картина. За три минуты появляется абсолютно пьяный Ливанов. Завтруппой падает перед ним на колени и стонет:

– Борис Николаевич! Мы же за границей! Мы же МХАТ! А вас нет! Вы же Ливанов!

– Ливанов! – рокочет Борис Николаевич. – Ливанов все-таки пришел сам! А Ленина сейчас принесут!

* * *

Белокуров съездил в Финляндию и привез себе оттуда шикарный свитер, синий с двумя полосами – одна по талии, другая по груди. Он ходил по театру, гордо показывая всем обнову, а за ним на цыпочках двигался Ливанов и шепотом сообщал коллегам значение полос. «Линии налива! – вещал он и показывал рукой. – До спектакля, после спектакля!»

* * *

Зиновию Гердту одна из его жен привезла из-за границы машину с правосторонним рулем. Это сейчас таких машин тьма, а тогда их по Москве ходили считанные единицы. И вот едут они с каких-то посиделок: Гердт слева, вполне веселый, а жена за рулем справа. Где-то «нарушили», подбегает гаишник, и Гердт, как любой автомобилист, начинает с ним собачиться: ничего, мол, не нарушали, правильно ехали. Конечно, гаишник моментально унюхал:

– Что такое?! Пьяный за рулем?!

Гердт ему тут же. «А где вы видите руль?»

Тот заглядывает, руля нет. Глаза у гаишника, по словам Гердта, сделались безумные, и Гердт, великий мастер импровизации смешного, добывает его окончательно:

– Молодой человек, я всегда, когда выпью, руль передаю жене!

* * *

Некий новый русский пригласил Зиновия Гердта осмотреть свою новую квартиру. Водил по бесчисленным комнатам, объяснял: «Здесь это, здесь то... один туалет, другой туалет, одна ванная, другая ванная... спальни, кабинеты, комнаты для приемов...» В конце экскурсии, есте-

ственно, спросил: «Ну, как вам, Зиновий Ефимыч?». Вежливый Гердт сказал, что все очень мило, но, на его взгляд, где-то здесь еще должен быть пункт обмена валюты.

* * *

Рассказывала Анна Самохина:

Однажды мы вместе с Зиновием Гердтом и Валентином Гафтом ужинали в ресторане при гостинице – не помню уже, в каком городе, – сели втроем за стол, и Гафт говорит: «Ну что, Зиновий Ефимович, закажем по коньячку?» Гердт качает головой: «Нет-нет, Валя, подождите. Ну что вы торопитесь? Смотрите меню спокойно». Ровно через десять минут официант приносит бутылку шампанского и ставит на стол: «Это для вас – с того столика». Оборачиваемся – там кланяются. «Спасибо. Спасибо». Потом появляется еще шампанское. Следом – бутылка коньяку, за ней – бутылка вина. И через час полстола уставлено всевозможными бутылками. Зиновий Ефимович: «Ну вот, Валя, а вы собирались заказывать!»

* * *

Старейшая актриса Малого театра Елена Николаевна Гоголева была очень щепетильна в вопросах театральной этики. В частности, страстно боролась даже с малейшим запахом алкоголя в стенах театра. Но однажды она была в гостях в подшефной воинской части, и там ее уговорили выпить рюмку коньяку. Гоголева очень переживала. Придя тем же вечером на спектакль, она встретила Никиту Подгорного. «Никита Владимирович, – сказала она ему, – простите, Бога ради! Нам с вами сейчас играть, а я выпила рюмку коньяку!» Подгорный, в котором к этому времени «стояло» этого напитка раз в двадцать больше, тут же возмутился громко: «Ну, как же вы так, Елена Николаевна! То-то я смотрю: от кого коньячищем пахнет на весь театр?!»

* * *

Никита Подгорный, как и многие артисты Малого, любил отдыхать в Доме творчества «Щельково» – это бывшая усадьба А. Н. Островского в Костромской области. Местом особых актерских симпатий на территории здравницы традиционно был маленький магазинчик вино-водочных изделий, в просторечии называемый «шалман». Так вот, однажды в этот шалман вдруг перестали завозить «изделия». День проходит, другой, третий – нету! Артисты, привыкшие поддерживать творческое самочувствие по нескольку раз в день, занервничали. Собирались, обсуждали ситуацию... Выход нашел Подгорный, неожиданно вспомнив про одного провинциального артиста, отдыхавшего там же об эту пору. Они вдвоем прибежали на почту, где Подгорный сурово продиктовал почтарке срочную телеграмму: «Кострома, Обком партии. Обеспокоены отсутствием вино-водочной продукции магазине Дома творчества „Щельково“. Подписи: Подгорный, Брежнев». Почтарка в крик: «Ни в какую, – говорит, – не отправлю!» И тут ей Подгорный: «Не имеете права!» И торжественно – оба паспорта на стол. А второй-то и вправду – БРЕЖНЕВ, черным по белому!

С великим скандалом – отправили! Через три дня было грандиозное актерское пьянство. Окрестности оглашались криками «Ура!» в честь смекалистого Никиты и тостами во славу незыблемой партийной дисциплины.

* * *

Сцена спектакля. Корифеи Царев (Ц) и Яблочкина (Я). Обоим под сто лет. Диалог должен звучать так:

Я: Кашу маслом не испортишь.

Ответ Ц: Смотря каким маслом...

На выходе получилось так:

Я: Машу каслом не испортишь...

Ответ Ц не заставил ждать, с ходу: Смотря каким каслом...

* * *

Рассказывают, что однажды, уже на исходе лет своих Евдокия Турчанинова как-то звонит Яблочкиной:

– Шурочка, я тут мемуары затеяла писать! Так не припомнишь ли: я с Сумбатовым-Южным жила?

* * *

В былые времена политучеба была неотъемлемой частью театральной жизни. Обкомы, горкомы, райкомы твердо полагали, что без знаний ленинских работ ни Гамлета не сыграть, ни Джульетту. Так что весь год – раз в неделю занятия, в финале строгий экзамен. Народных артистов СССР экзаменовали отдельно от прочих. Вот идет экзамен в театре им. Моссовета. Отвечает главный режиссер Юрий Завадский: седой, величественный, с неизменным острозаточенным карандашом в руках. «Юрий Александрович, расскажите о работе Ленина „Материализм и эмпириокритицизм“».

Завадский задумчиво вертит в руках карандаш и величественно кивает головой: «Знаю. Дальше!» Райкомовские «марксоведы» в растерянности: «А о работе Энгельса «Анти-Дюринг»?»

Завадский вновь «снисходит кивнуть»: «Знаю. Дальше!..»

Следующей впархивает Вера Марецкая. Ей достается вопрос: «Антиреволюционная сущность троцкизма».

Марецкая начинает: «Троцкизм... это...». И в ужасе заламывает руки: «Ах, это кошмар какой то, это ужас какой-то – этот троцкизм! Это так страшно! Не заставляйте меня об этом говорить, я не хочу, не хочу!»

Не дожидаясь истерики, ее отпускают с миром. До следующего года.

* * *

Николай Мордвинов рассказывал:

Спектакль «ТРАКТИРЩИЦА». Однажды на нем случилась такая история: когда Мирандолина, чтобы остановить дерущихся на шпагах Кавалера и Барона, должна выстрелить, выстрела не последовало. Тогда Вера Марецкая, играющая эту роль, закричала: «Я стреляю! Пу-у-у!».

* * *

В спектакле «Орфей спускается в ад» Вера Петровна Марецкая часто меняла костюмы. Однажды впопыхах она надела туфли разного цвета и выбежала на сцену. Партнёры на сцене начали хихикать, выразительно глядя ей на ноги. Вера Петровна посмотрела вниз и обмерла, но через секунду заявила с вызовом: «И что вы смеётесь, красный туфель под красную шляпку, белый под белую сумку».

* * *

Спектакль «Миллион за улыбку» в Моссовете, Марецкая говорила по тексту персонажу Цейца:

– Спой, спой, Женя!

Сергей Сергеевич отвечал тоже по тексту:

– Я не могу, у меня катар верхних дыхательных путей.

– Пой нижними, – неожиданно «выдала» Вера Петровна и ушла со сцены.

* * *

Вера Петровна Марецкая загорает на южном пляже. Загорает очень своеобразно: на женском лежбище, где дамы сбросили даже легкие купальнички, знаменитая актриса лежит на топчане в платье, подставив солнцу только руки, ноги и лицо. Проходящая мимо жена поэта Дудина замечает ей: «Что это вы, Верочка, здесь все голые, а вы вон как...» «Ах, дорогая, – вздыхает Марецкая, – я загораю для моих зрителей! Они любят меня; я выйду на сцену – тысяча людей ахнет от моего загорелого лица, от моих рук, ног... А кто увидит мое загорелое тело, – кроме мужа, человек пять-шесть? Стоит ли стараться?»

* * *

Чтобы получить «добро» на один из сценариев, режиссер Исаак Магитон как-то попросил Веру Петровну Марецкую написать на себя характеристику. Через минуту она вручила ему чистый лист бумаги, на котором сверху стояла надпись: «Характеристика», а внизу подпись: «Народная артистка СССР Вера Марецкая». «Остальное напишешь сам», – сказала Вера Петровна. «Я не стал ничего писать, – рассказывал потом Магитон. – Храню характеристику до сих пор. А когда на душе кошки скребут – перечитываю».

* * *

Вера Марецкая в спектакле «Рассвет над Москвой» играла вместе с Николаем Мордвиновым. По ходу пьесы у героев случалась размолвка, и героиня решала первой пойти на примирение. Заходила к нему обычно с такими словами:

«Мужик скучает, дай, думаю, зайду первая».

Что случилось с Верой Петровной, не знает никто, но она на одном из спектаклей оговорила:

– Мужик скучает, дай, думаю, дам первая.

* * *

Раневская в семьдесят лет объявила, что вступает в партию.

«Зачем?» – поразились друзья.

«Надо! – твердо сказала Раневская. – Должна же я хоть на старости лет знать, что эта сука Верка говорит обо мне на партбюро!»

* * *

Как то Раневскую спросили, почему у Марецкой все звания и награды, а у нее намного меньше. На что Раневская ответила:

– Дорогие мои! Чтобы получить все это, мне нужно сыграть как минимум Чапаева!

* * *

В театре упразднили должность суфлёра. В спектакле «Правда – хорошо, а счастье лучше» у Раневской было много текста, и она очень боялась что-то забыть. Помощник режиссёра, стоя за кулисами с пьесой в руках, во время пауз, которые Фаина Григорьевна делала специально, ей подсказывала. Боясь, что Раневская что-то не расслышит, она каждый раз высывалась так, что её голова была видна в зале. В одной из сцен, когда помреж чуть было совсем не вышла на сцену от усердия, Раневская её остановила: «Милочка, успокойтесь, этот текст я знаю».

Самое интересное, что зрители решили, что так и было задумано.

* * *

Раневская часто заходила в закулисный буфет и покупала конфеты или пирожные, или еще что-нибудь. Не для себя – с ее страшным диабетом ей ничего нельзя было есть, а для того, чтобы угостить кого-нибудь из друзей-актеров. Так однажды в буфете она подошла к Варваре Сошальской: «Вавочка, – пробасила она нежно, – позвольте подарить вам этот огурец!» «Фуфочка, – так звали Раневскую близкие, – Фуфочка, с восторгом приму!» (У Сошальской был такой же низкий, органного тембра голос.) «Только уж вы, пожалуйста, скажите к нему что-нибудь «со значением», как вы умеете!» «Вавочка, дорогая, – снова начала Раневская, – я, старая хулиганка, дарю вам огурец. Он большой и красивый. Хотите ешьте, хотите – живите с ним!»

* * *

Как-то у Раневской спросили напрямик, почему у Марецкой и премии, и «Гертруда», а у нее нету? «Голубчики мои, – вздохнула Раневская, – чтобы мне получить все, что есть у Марецкой, мне нужно сыграть как минимум Чапаева!»

* * *

Раневская как-то сказала с грустью:

– Ну надо же! Я дожила до такого ужасного времени, когда исчезли домработницы. И знаете почему? Все домработницы ушли в актрисы.

* * *

В 60-е годы в Москве установили памятник Карлу Марксу.

– Фаина Георгиевна, вы видели памятник Марксу? – спросил кто то у Раневской.

– Вы имеете в виду этот холодильник с бородой, что поставили напротив Большого театра? – уточнила Раневская.

* * *

Кто-то из актеров звонит Раневской справиться о здоровье.

«Дорогой мой, – жалуется она, – такой кошмар! Голова болит, зубы ни к черту, сердце жмет, кашляю ужасно, печень, почки, желудок – все ноет! Суставы ломит, еле хожу... Слава Богу, что я не мужчина, а то была бы еще и предстательная железа!».

* * *

На радио записывали передачу с участием Раневской. Во время записи Фаина Георгиевна произнесла фразу со словом «феномЕн».

Запись остановили.

– В чём дело? – чуть заикаясь и пуча глаза, спросила Раневская.

Стараясь выправить ситуацию ведущая сказала:

– Знаете, Фаина Георгиевна, они тут говорят, что надо произносить не феномЕн, а феноО-мен, такое современное ударение...

– А, хорошо, деточка, включайте.

Запись пошла и Раневская четко и уверенно произнесла:

– ФеномЕн, феномЕн, и еще раз феномЕн! А кому нужен феноОмен, пусть идёт в жопу!!

* * *

Фаина Раневская репетировала роль в постановке режиссёра Николая Охлопкова – актриса стояла на сцене, он сидел в зале за режиссёрским столиком:

– Фанечка, будьте добры, встаньте на два шага левее... – попросил Охлопков. И вдруг громко потребовал: «Выше! Выше, пожалуйста!»

Раневская встала на цыпочки...

– Мало! Ещё выше надо! – кричал Охлопков.

– Да куда выше? Я взлететь не могу! – вытянув шею возмутилась актриса.

– Да что вы, Фанечка! Там сзади вас монтировщики флажки вешают.

* * *

Геннадий Бортников рассказывал.

Спектакль «Дальше – тишина» ставил в нашем театре Анатолий Эфрос. По замыслу режиссёра, на сцене было много всякой мебели, вещей, а на шкафу стоял велосипед. Исполнительница главной роли Фаина Григорьевна Раневская долго ворчала, что сцена загромождена так, что повернуться негде, а потом ткнула пальцем в велосипед: «Уберите это чудовище, оно

меня пугает». Анатолий Васильевич вежливо поинтересовался, почему. Фаина Григорьевна сказала, что велосипед непременно свалится ей на голову. Эфрос стал успокаивать, повторял, что ничего не случится. Они долго препирались, но велосипед всё-таки сняли.

На следующий день он снова был на шкафу, и снова Раневская настояла, чтобы его убрали. Так продолжалось несколько дней. Рабочие всё надеялись, что она забудет, а она не забывала. Однажды репетировались сцены без участия Раневской, и вдруг велосипед с грохотом падает вниз. Артисты врассыпную, а из зала доносится голос Фаины Григорьевны: «Вот вы говорили, что я вздорная тётка, а ведь случилось».

* * *

Однажды в театре Фаина Георгиевна ехала в лифте с артистом Геннадием Бортниковым, а лифт застрял... Ждать пришлось долго – только минут через сорок их освободили. Молодому Бортникову Раневская сказала, выходя:

– Ну вот, Геночка, теперь вы обязаны на мне жениться! Иначе вы меня скомпрометируете!

* * *

Во время войны не хватало многих продуктов, в том числе и куриных яиц. Для приготовления яичницы и омлетов пользовались яичным порошком, который поставляли в Россию американцы по ленд-лизу. Народ к этому продукту относился недоверчиво, поэтому в прессе постоянно печатались статьи о том, что порошок этот очень полезен, натуральные яйца, наоборот же, очень вредны.

Война закончилась, появились продукты, и яйца тоже стали возникать на прилавках всё чаще. В один прекрасный день несколько газет поместили статьи, утверждающие, что яйца натуральные есть очень полезная и питательная еда. Говорят, в тот вечер Раневская звонила друзьям и всем сообщала: «Поздравляю, дорогие мои! Яйца реабилитировали!»

* * *

На улице в Одессе к Раневской обратилась прохожая:

– Простите, мне кажется, я вас где то видела... Вы в кино не снимались?

– Нет, – отрезала Раневская, которой надоели уже эти бесконечные приставания. – Я всего лишь зубной врач.

– Простите, – оживилась ее случайная собеседница. – Вы зубной врач? А как ваше имя?

– Черт подери! – разозлилась Раневская, теперь уже обидевшись на то, что ее не узнали. – Да мое имя знает вся страна!

* * *

Однажды актриса прогуливалась по городу, а за ней долго следовала толстая гражданка, то обгоняя, то заходя сбоку, то отставая, пока наконец не решилась заговорить.

– Я не понимаю, не могу понять, вы – это она?

– Да, да, да, – басом ответила Раневская. – Я – это она!

* * *

– Шатров – это Крупская сегодня, – так определила Раневская творчество известного драматурга, автора многочисленных пьес о Ленине.

* * *

Однажды Раневская отправилась в магазин за папиросами, но попала туда в тот момент, когда магазин закрывался на обед. Уборщица, увидев стоящую у дверей Раневскую, бросила метелку и швабру и побежала отпирать дверь.

– А я вас, конечно же, узнала! – обрадованно говорила уборщица, впуская Раневскую. – Как же можно не впустить вас в магазин, мы ведь вас все очень любим. Поглядишь этак на вас, на ваши роли, и собственные неприятности забываются. Конечно, для богатых людей можно найти и более шикарных артисток, а вот для бедного класса вы как раз то, что надо!

Такая оценка ее творчества очень понравилась Раневской, и она часто вспоминала эту уборщицу и ее бесхитростные комплименты.

* * *

Идущую по улице Раневскую толкнул какой-то человек, да еще и обругал грязными словами. Фаина Георгиевна сказала ему:

– В силу ряда причин я не могу сейчас ответить вам словами, какие употребляете вы. Но искренне надеюсь, что когда вы вернетесь домой, ваша мать выскочит из подворотни и как следует вас искушает.

* * *

Однажды Раневскую спросили, была ли она когда-нибудь влюблена, и актриса рассказала забавную и грустную историю.

Лет в девятнадцать, поступив в труппу какого-то провинциального театра, она влюбилась в первого героя-любовника. Конечно же, он был настоящим красавцем, как и положено актеру, играющему такие роли.

«Я же была настоящей уродиной, даже в молодые годы, – призналась Фаина Георгиевна. – Ходила за ним как тень, плялилась, словом, влюбилась как кошка... Он как бы и не замечал ничего, но вот как то раз неожиданно подходит ко мне и говорит:

– Дорогая, вы ведь неподалеку комнатку снимаете? Верно?

– Верно...

– Ждите меня сегодня вечером, часиков около семи, я к вам загляну...

Я, конечно, немедленно отпросилась домой, накупила вина и еды, принарядилась, напудрилась, сижу и жду... Час жду, другой... Наконец, часов около десяти, является пьяный, расстрепанный, в обнимку с какой-то крашеной стервой.

– Дорогая, – говорит, – погуляйте где-нибудь часок...

Вот это была его первая и последняя любовь.

* * *

Говорят, суровая Вера Пашенная, бывшая в силу своего положения, по существу, хозяйкой Малого театра, недолюбливала артиста Кенигсона. И однажды, отвернувшись от него, в сердцах брякнула:

– Набрали в Малый театр евреев, когда такое было!

– Вера Николаевна, – вспыхнул Кенигсон, – я швед!

– Швед, швед, – пробурчала своим басом Пашенная, – швед пархатый!

* * *

Малый театр едет на гастроли. В тамбуре у туалета стоит в ожидании знаменитая Варвара Массалитинова. Минут пятнадцать мается, а туалет все занят. Наконец, не выдерживает и могучим, низким голосом своим громко произносит:

– Здесь стоит народная артистка РСФСР Массалитинова!

– А здесь сидит народная артистка СССР Пашенная! Подождёшь, Варька! – раздается из за двери еще более мощный и низкий голос.

* * *

Театральным людям хорошо знакомо имя Алексея Денисовича Дикого – замечательного актера и режиссера, незабываемого Атамана Платова в лесковской «Блохе», Генерала Горлова во «Фронте», игравшего в кино Кутузова, Нахимова и даже самого Сталина. Обладал он великолепной актерской фактурой, буйным темпераментом и, как говорят, имел большую любовь ко всякого рода земным утехам. Прошедший сталинские лагеря, не раз падавший и взлетающий, огромный и сильный, он не боялся ни Бога, ни черта – никого... кроме жены своей Шурочки, маленькой кругленькой женщины, не достававшей ему до плеча.

Старейшина театра Сатиры Георгий Менглет, бывший когда-то студентом Дикого в театральной школе, рассказывает, как однажды тот позвонил ему на ночь глядя и тоном, не предполагающим возражений, приказал:

– Мэнг-лет, бери деньги на такси и выходи к подъезду – я тут у тебя внизу стою!

Менглет выскочил – Дикий имел весьма жалкий вид: пьяный, помятый, да еще с расцарапанным лицом.

– Значит так, Мэнг-лет, – сурово сказал он, – сейчас едем ко мне! Шурочка будет скандалить, так ты скажешь ей, что я был у тебя, помогал тебе роль делать, что мы с тобой тут... репетировали... три дня... А лицо мое... скажешь, что твоя собака Ферька поцарапала! Понял, Мэнг-лет?

Георгий Павлович робко возразил, что на лице явно видны следы женских ногтей, но Дикий отрезал:

– А вот я и посмотрю, какой ты артист! Мало ли что... А ты убеди! Сыграй, как надо! Чему я тебя учил?!

Доехали, поднимаются по лестнице – Дикий все повторяет:

– Значит, ты понял, Мэнг-лет? Репетировали, то-сё...

Дикий звонит в дверь, Шурочка открывает и, не сказав ни слова, – раз, раз, раз, раз! – нахлестала Дикому по щекам. Постояв несколько секунд с закрытыми глазами, Дикий все тем же суровым менторским голосом произнес:

– Мэнг-лет! Свободен!!!

* * *

В пятидесятые годы в Москве появилось некое, доселе невиданное, буржуазное чудо: винный КОКТЕЙЛЬ! Человек столь же экзотической профессии – БАРМЕН – наливал напитки в специальный бокал, подбирая их по удельному весу так, что они не смешивались, а лежали в бокале полосочками: красный, синий, зеленый... Этим занимались в одном-двух ресторанах по спецразрешению.

В одно из таких заведений зашел большой красивый человек и низким басом приказал:

– Коктейль! Но – по моему рецепту!

– Не можем, – ответствовал бармен, – только по утвержденному прејскуранту.

Бас помрачнел вовсе:

– Я – народный артист Советского Союза Дикий! Коктейль, как я хочу!

Бармен сбегал к директору, доложил, тот махнул рукой: сделай, мол.

Дикий сел за столик и потребовал от официанта принести бутылку водки и пивную кружку.

– Налей аккуратно двести грамм, – приказал он. – Так, теперь аккуратно, по кончику ножа, не смешивая – еще двести грамм! Теперь по капельке влей оставшиеся сто... Налил? Отойди!

Взяв кружку, Дикий на одном дыхании влил в себя ее содержимое, крикнул и сказал официанту:

– Хор-роший коктейль! Молодец! За это рецепт дарю бесплатно. Так всем и говори: «Коктейль „Дикий“!» – и величественно удалился под аплодисменты всего ресторана.

* * *

В театре им. Моссовета режиссер Инна Данкман ставила пьесу «Двери хлопают». На одну из репетиций пришел Юрий Завадский. (Дело в театре обычное: очередной режиссер возится-возится год, потом приходит главный режиссер и царственной рукой за неделю все разводит на свои места.) В одной из сцен артист Леньков должен был выйти с гирляндой воздушных шариков, но их на тот момент нигде не было, реквизиторы сказали: «Обойдешься – хороший артист и без шариков сыграет!» Но Саша Леньков, не лишенный режиссерских способностей, сам придумал выход: нашел где-то здоровый радиозонд, надул его и вытащил на сцену на веревочке, ожидая режиссерской похвалы. И тут же услышал недовольный голос Завадского:

– Что это такое? Почему Леньков с надутым презервативом?..

– Что вы, Юрий Александрович, – стали ему объяснять Леньков и Данкман, – это радиозонд...

– Прекратите, – хлопнул по столу мэтр, – я еще, слава Богу, помню, как выглядит презерватив!..

* * *

Малый театр едет на гастроли. В тамбуре у туалета стоит в ожидании знаменитая Варвара Массалитинова. Минут пятнадцать мается, а туалет все занят. Наконец, не выдерживает и могучим, низким голосом своим громко произносит: «Здесь стоит народная артистка РСФСР Массалитинова!» В ответ из-за двери раздается еще более мощный и низкий голос: «А здесь сидит народная артистка СССР Пашенная! Подождешь, Варька!»

* * *

Николай Крючков и Анатолий Ромашин шествуют по сочинскому пляжу. Ромашин толкает Крючкова локтем в бок:

– Афанасич, смотри, какие две роскошные бабы лежат! Уй-ю-юй, какие бабы!..

Крючков мрачно хрипит в ответ:

– Это для тебя они БАБЫ, а для меня – ПЕЙЗАЖ!

* * *

Николай Крючков и Петр Алейников – на кинофестивале, среди зарубежных гостей. Крючков показывает на хорошенькую раскосую актрису:

– Петь, Петь, глянь, какая корейка то! Ох, хорошая корейка!

– Да уж че там, Коль!.. Я те скажу, Коль: корейка то хороша, да грудинки никакой! – ответил Алейников.

* * *

Людмила Гурченко рассказала такую историю. Она когда-то жила в одном доме с известным певцом Марком Бернесом. Жили они даже в одном подъезде. При этом они друг с другом не общались. «Уровень популярности разный» – пожаловалась Гурченко. Через некоторое время на стенке подъезда появилась надпись: «Бернес + Гурченко = любовь». И вот когда однажды Гурченко входила в подъезд, за Бернесом уже закрылись двери лифта. Но лифт возвращается открывает дверь, оттуда высовывается Бернес и своим знаменитым вкрадчивым голосом говорит: «А я бы плюс не поставил». Нажал на кнопку закрыл дверь и уехал.

* * *

Александру Яблочкину чествовали на юбилее в Малом театре, вручили грамоту «За добросовестный, многолетний труд и в ознаменование 40-летия Октябрьской революции». Яблочкина выходит с ответным благодарственным словом и говорит:

– Дорогие мои, вот я еще при царе работала. Как тяжело нам было, как нас унижали, какие-то бриллианты совали, кольца, экипажи дарили, дома. И всё прожила, всё прошло, а вот эта грамота – на всю жизнь! Спасибо вам!

* * *

Однажды Яблочкину привели в качестве «свадебного генерала» на банкет в Колонном зале по случаю чествования космонавтов Гагарина и Титова.

Космонавтов подвели к Яблочкиной, представили: «Александра Александровна, познакомьтесь, это наши первые космонавты – Юрий Алексеевич Гагарин и Герман Степанович Титов». Гагарин и Титов поцеловали руку Яблочкиной, та потрепала обоих по щеке, поцеловала в висок. Через некоторое время началось застолье. И вот в какой-то момент, когда шум чуть-чуть стих, все услышали хорошо поставленный голос Яблочкиной: «Но мне так и не сказали, в каком полку служат эти молоденькие поручики!».

* * *

Яблочкину попросили однажды отбить талантливого студента-щепкинца от армии. Набрали номер военкома, дали ей трубку. «С вами говорит, – величественно зарокотала та, – народная артистка Советского Союза, лауреат Сталинской премии, председатель Всероссийского театрального общества, актриса Малого театра Александра Александровна Яблочкина! Голубчик, – тут она сменила тон на проникновенный, – такая беда! Друга моего детства угоняют в армию! Так уж нельзя ли оставить? Сколько ему лет? Да восемнадцать, голубчик, восемнадцать!»

* * *

В тридцатые годы встреча артистов Малого театра с трудящимися Москвы. Александра Александровна Яблочкина, знаменитая актриса, видный общественный деятель, с пафосом вещает:

– Тяжела была доля актрисы в царской России. Ее не считали за человека, обижали подачками. На бенефис бросали на сцену кошельки с деньгами, подносили разные жемчуга и брильянты. Бывало так, что на содержание брали графы разные, князья...

Сидящая рядом великая «старуха» Евдокия Турчанинова дергает ее за подол:

– Шурочка, что ты несешь!

Яблочкина, спохватившись:

– И рабочие, и крестьяне...

* * *

Заседала Яблочкина в каком-то президиуме. Подремывала по старости, а Михаил Иванович Царев ее все под стулом ногой толкал... А как объявили ее выступление, тут уже посильнее толкнул, чтобы совсем разбудить. Яблочкина встала, глаза распахнула и произнесла:

– Мы, актеры ордена Ленина Его Императорского Величества Малого театра Союза ССР!..

* * *

МХАТ привез на гастроли за границу пьесу «Третья патетическая», где главные роли исполняли Б. А. Смирнов (Ленин) и Б. Н. Ливанов (инженер Забелин). Представляете – огромный театр переполнен. Двадцать минут до начала. Двоих главных исполнителей нет. Пятнадцать минут. Их нет. Начинаются тихие инфаркты. Десять минут до начала. Та же картина. За три минуты появляется абсолютно пьяный Ливанов. Завтруппой падает перед ним на колени и стонет: «Борис Николаевич! Мы же за границей! Мы же МХАТ! А вас нет! Вы же Ливанов!» «Ливанов! – рокочет Борис Николаевич. – Ливанов все-таки пришел сам! А Ленина сейчас принесут!»

* * *

Борис Ливанов любил длинные тосты. Обыкновенно, сев за стол с приятелем-артистом и налив по первой, он поднимал стакан и говорил примерно так:

– Давай выпьем за тебя, прекрасного артиста, талантливого, тонкого, умного, с огромным творческим потенциалом, разностороннего, глубокого, с блестящим будущим, гениального, человека с большой буквы, замечательного друга, любимца женщин...

Затем, налив по второй, Ливанов поднимал стакан и требовал:

– Ну а теперь ты говори про меня то же самое.

* * *

Когда Рыбников учился во ВГИКе, он придумал весьма опасную по тем временам шутку: созвал в свою комнату половину общежития, сам спрятался в шкафу и, подражая Юрию Левитану, зачитал «указ правительства», по которому цены на продукты снижались в несколько раз,

а соль и спички должны были отпускаться бесплатно. Студенты встретили «указ» восторженными криками: «Да здравствует товарищ Сталин!».

За эту шутку Рыбникова не только отчислили из комсомола, но и выгнали из ВГИКа. Лишь заступничество руководителей курса спасло начинающего актера. Николая Рыбникова восстановили в институте, взяв обещание покончить с неуместными розыгрышами.

* * *

Главному режиссеру театра Сатиры Валентину Плучеку очень повезло в семейной жизни. Его супруга Зинаида Павловна, женщина очень красивая и властная, положила всю жизнь на сохранение его здоровья и долголетия. Мастеру оставалось только заниматься творчеством – остальное все она! Даже фрукты ему мыла с мылом. Однажды в актерском Доме творчества в Рузе мы собрались в их домике. Плучек как всегда «держал стол» – рассказывал и показывал байки под неизменный общий хохот. Я взял гитару и спел одну из последних песен Юрия Визбора, незадолго до того умершего пятидесятилетним. Все погрустнели. Плучек, которому было под восемьдесят, тут же бодро заявил: «А-а, я вот, например, про себя точно знаю: я умру от удара Зинкиным утюгом в висок, после того, как съем немытую сливу!»

* * *

На правлении Союза писателей разбирали за пьянку и дебош молодого поэта. Тот долго и уныло ноет в свое оправдание, что творческий человек не может не пить, его эмоции того требуют...

– Достоевский пил, – перечисляет он, – Апухтин пил, Толстой пил, Бетховен пил, Моцарт пил...

Тут кому-то из «судей» надоело, и чтобы прервать это занудство, он спросил:

– А что, интересно, Моцарт пил?

Михаил Светлов, до этого мирно кемаривший в углу с похмелья, тут же встрепенулся и ответил:

– А что ему Сальери наливал, то он и пил!

* * *

Однажды Юрий Олеша, выглянув из ресторана, обратил внимание на большое скопление молодежи в вестибюле ЦДЛ. Пришло новое время, всходила звезда Бэллы Ахмадулиной, поклонники ждали ее приезда на поэтический вечер. На вопрос Олеша, что это за толпа, Михаил Светлов, говорят, ответил:

– Это не толпа, ста'гик: это БЭЛЛОГВАРДЕЙЦЫ собрались!..

* * *

Смирнов-Сокольский конферировал концерт в Колонном зале. Подходит он к Руслановой и спрашивает, что она будет петь.

– Когда я на почте служил ямщиком, – басит та в ответ.

Смирнов-Сокольский тут же ей дружески советует:

– Лидия Андреевна, ну зачем вам мужские песни петь? Бросьте вы это!..

Великая Русланова таких разговоров не любила и высказалась в том смысле, что всякий обьявляла будет тут ей еще советы давать – иди на сцену и делай свое дело, как велено!

– Хорошо, – сказал Смирнов-Сокольский, вышел на сцену и громогласно провозгласил: – А сейчас! Лидия Андреевна Русланова! Споет нам о том, как еще до Великой Октябрьской Социалистической революции она ЛИЧНО! Служила на почте ЯМЩИКОМ!!!

* * *

«Сентябрь 39 го года. Михаил Зощенко и Юрий Олеша сидят в «Национале». Беседуют. Подходит общий знакомый и трагическим шепотом сообщает:

– Только что умер гениальный исполнитель роли Ленина – Борис Щукин.

За столиком воцаряется молчание, а подошедший продолжает:

– И знаете, как он умер?

– Как? – спрашивает Олеша.

– С томиком Ленина в руках!

Пауза и резюме Зощенко:

– Подложили.

* * *

Ролан Быков рассказывал о временах своего обучения в Щукинском училище:

«Как-то пронесся слух: к нам на один из дипломных спектаклей пожалует сам Илья Эренбург! Сначала волновались: придет, не придет... Пришел! Играли мы комедию – уж постарались изо всех сил! Такое вытворяли – зал пластом лежал от хохота! А гость наш великий – смотрим: сидит, не улыбнется. Ну просто ни один мускул на лице не дрогнет! Трубку свою неизменную посасывает, весь пеплом обсыпался, уныло так на сцену уставился – и ни улыбочки маленькой... После спектакля зашел за кулисы. Мы стоим, убитые, глаза стыдно поднять. Эренбург оглядел курс, вынул трубку изо рта и произнес:

– Спасибо вам, дорогие мои! Поверите ли, никогда в жизни, пожалуй, не смеялся так, как сегодня!»

* * *

В 60-е годы Михаил Гаркави ведет концерт на стадионе. После блистательного выступления Лидии Руслановой на поле вышла русская женщина и подарила любимой певице пуховую шаль. Гаркави с присущим ему темпераментом кричит в микрофон речь о том, что вот это и есть истинная любовь русского народа. Следующей на помост выходит Эльмира Уразбаева.

Только спела – на поле бежит узбек и дарит ей часы.

Гаркави, конечно, сопровождает подарок спичем о любви узбеков к своей певице. Затем он объявляет выход Иосифа Кобзона и, чуть отвернувшись от микрофона, предупреждает его: «Ося, будь готов: сейчас евреи понесут мебель!»

* * *

Николай Охлопков увлекся режиссурой еще в актерской молодости, когда служил у Мейерхольда. Он так доставал великого реформатора Театра своими соображениями, что Мейерхольд, говорят, прибегал на репетицию на пять минут раньше и кричал: «Коли нет? Так, опоздавших не ждем, запираем двери, начинаем репетицию!» Впоследствии судьба Мастера, как известно, сложилась трагически, а «Коля» стал одним из корифеев советского театра.

Однажды, будучи главным режиссером театра им. Маяковского, Охлопков поставил пьесу «Лодочница». Пьеса была поганая, и спектакль получился соответствующий. На сцене была сооружена огромная ванна, наполнявшаяся настоящей водой, в которой туда-сюда плавала настоящая лодка. Видимо, этим и хотел постановщик поразить зрителей, потому что больше не придумал ничего. На премьерных поклонах аплодисменты зрителей были настолько жидкими, что закончились еще до того, как артисты и постановочная группа ушли со сцены. И в наступившей неловкой тишине раздался спокойный голос известного московского остро- слова, драматурга Иосифа Прута: «Коля, после спектакля не забудьте спустить воду!»

* * *

Евгений Весник рассказывал, как Михаил Яншин пригласил его в ресторан с уговором, что платит тот, кто съест меньше. Пришли в ресторан, сделали заказ – по бутылке вина и по шашлыку, не считая салатов и закусок.

Соревнование началось, причем заказ то и дело повторялся. На четвертом шашлыке Весник сдался и расплатился. Отправились домой, но минут через сорок Яншин останавливается и приглашает Весника в другой ресторан перекусить. Позднее выяснилось, что соревнование в ресторане Яншин устроил нарочно, потому что никто не мог «переесть» его и что четыре шашлыка для него – это всего лишь легкая закуска.

* * *

Народный артист Михаил Михайлович Яншин чрезвычайно ответственно относился ко всякой, даже к самой маленькой, роли. Он много работал на озвучании художественных, а также мультипликационных фильмов. Однажды, когда ему пришлось озвучивать огурец в мультфильме, он очень долго выяснял у создателей мультика, что это за огурец. В ответ на удивленные вопросы, зачем это нужно, ответил, что одно дело, когда говорит огурчик, греющийся на грядке, и совсем иное – когда он должен быть закатан хозяйкой в банку. При этом Яншин так выразительно изобразил эти два различных состояния, что художники были вынуждены внести кое-какие поправки в нарисованный ими образ.

Впоследствии, если было известно, что озвучивать рисованного героя будет Михаил Яншин, художники невольно придавали персонажу черты артиста.

* * *

Незабвенный, добрый, открытый, созданный для улыбки и юмора, уютный и магнито-образный, в чем-то незащищенный, талантливый, обаятельный, сентиментальный, очень темпераментный и чуть-чуть ленивенький, любитель вкусно поесть и пригубить, спеть романс, азартно поиграть на бегах и «поболеть» за футболистов «Спартака», неспособный тратить время на интриги и кляузы, любимец публики – это все был дорогой Михаил Михайлович Яншин.

Однажды он сказал:

– Я не понимаю четырех вещей:

1. Зачем нужно было делать революцию?
2. Как на радио вырезают букву из слова?
3. Как по воздуху передают цвет?
4. Зачем Бог придумал гомосексуалистов?

– А что для вас самое непонятное, Михаил Михайлович?

– Первое – зачем было делать революцию?

* * *

Утесову было 80 лет, когда режиссер Леонид Марягин пригласил его на премьеру своего фильма – в нем звучала песня в исполнении Леонида Осиповича. Когда пришло время представлять со сцены съемочную группу, Марягин представил своих помощников и заявил, что Утесова тоже считает членом творческого коллектива и надеется еще долго с ним сотрудничать.

Б. Ефимов. Леонид Утесов

Зал зааплодировал, а Утесов встал и сказал: «Можно, я расскажу вам один подходящий к случаю анекдот? Одного 80 летнего старца приговорили к 25 годам тюрьмы. Старец этот прослезился и сказал судьям: «Граждане судьи, благодарю вас за оказанное доверие!»

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.